

— Старуха Лю? — невольно вырвалось у Сюэ Сяня.

— Э-эх...

Снова раздался тот же усталый, протяжный вздох.

Сюэ Сяня буквально передёрнуло. Разумеется, его бумажная шкурка не могла покрыться мурашками, и дело было не в страхе. Просто мысль о том, что кто-то способен заточить собственную мать под домом ради благополучия, вызывала тошноту. Некоторые люди в своей мерзости ухитрились быть удивительно изобретательными.

Такого сына заводить — лучше жернов в доме держать!

Сюань Минь поднял каменный жернов размером чуть больше ладони из ямы и положил на землю. Он сдёрнул жёлтый талисман, обмотанный вокруг железной цепи, чиркнул лучинкой и сжёг его дотла.

Пока талисман горел, Сюэ Сянь, болтавшийся у монаха на поясе, почувствовал навязчивое «дзиньканье», будто кто-то постукивал маленьким молоточком по костям. Одним словом, ощущение было неприятное.

Этот жернов пролежал под землёй никак не меньше трёх лет, впитав в себя всяческую скверну и злобу со всех сторон. Теперь, когда талисман сожгли, сковывавшая его нечистая сила стала рассеиваться, и некоторая реакция была естественна. Но если даже он, полуживой бумажный клочок, болтающийся у входа в сумку, чувствовал себя неважно, то лысый монах, державший в руках горящий талисман, определённо испытывал куда больший дискомфорт.

Сюэ Сянь скопился на Сюань Миня, но тот по-прежнему оставался невозмутим, с холодным выражением лица, словно занимался чем-то совершенно обыденным.

Ему вдруг показалось, что этот лысый монах чем-то отличается от других монахов, которых он встречал раньше. Хотя в чём именно — сходу и не скажешь.

Пожалуй... особенно бесит!

Пока Сюэ Сянь предавался беспорядочным размышлениям, Сюань Минь закончил сжигать бумажный талисман. Когда последняя искра пепла упала на землю, железная цепь, сковывавшая жернов, с сухим треском лопнула и рухнула наземь.

Туманный силуэт, опиравшийся на рукоять жернова, начал уплотняться — словно сморщенный сучок, лежавший на земле, стал на глазах у Сюэ Сяня и Сюань Миня разворачиваться и расти, пока не превратился в сгорбленную старушку.

Волосы у неё были седые и редкие, собранные на затылке в крохотный пучок. Лицо, изрытое морщинами, мутные глаза, в которых, казалось, всегда стояла слеза.

По чертам лица в ней ещё можно было угадать старуху Лю, но по сравнению с тем туманным образом с тростью, что являлся в ловушке, эта, уже ставшая призраком, старуха Лю выглядела куда более дряхлой, будто вот-вот закроет глаза и рухнет на землю.

Без трости её перекошенное тело казалось особенно уродливым: левая половина была согнута куда сильнее правой, и только опираясь на рукоять жернова, она едва могла держаться на ногах.

— Грех... — пробормотал Сюэ Сянь.

Он, рождённый небом и землёй, без отца и матери, не слишком понимал узы крови и родства. Но за те полгода, что его волей-неволей носило по людским селениям, он успел усвоить самые базовые представления.

Советник Лю действительно открыл ему глаза. Надо же так ненавидеть собственную мать, чтобы сотворить нечто настолько скотское.

Услышав это, Сюань Минь опустил взгляд и скользнул им по Сюэ Сяню, отчего тому стало досадно. Он задрал подбородок, уставился на монаха в ответ, но, как ни старался, не мог сравниться с ним в этой немой дуэли взглядов.

Эта бестия, закатив глаза, тут же придумала новый план.

На! Го-ло-ву!

Его нрав был подобен ветру — мгновенно менялся. Не раздумывая, он вцепился когтями в монашескую рясу Сюань Миня. Первый блин комом, зато второй вышел глаже — на этот раз он взобрался куда проворнее и в мгновение ока оказался у него на груди.

Как только он отцепил одну лапку, чтобы подняться ещё выше, у входа в комнату раздался душераздирающий вопль.

— А-а-а! Не трогайте! Не трогайте меня! Спасите! Спа-си-те!

Кричал так, будто увидел привидение.

Рёв был оглушительным и отвратительным. Сюэ Сянь вздрогнул от неожиданности, коготок соскользнул, и он, беспомощно замахав лапками, свалился с груди Сюань Миня, приземлившись в весьма неприглядной позе — лицом вниз.

Упав и потеряв лицо, Сюэ Сянь теперь совсем не горел желанием кого-либо видеть. Он застыл, растопырив все четыре конечности, неподвижный, будто испустил дух.

Сюань Минь, не обращая внимания на неумолчный вопль за дверью, присел и посмотрел на притворяющегося мёртвым бумажного человечка.

— Не встанешь? — спросил он безразлично.

Сюэ Сянь продолжал лежать пластом.

Сюань Минь постучал пальцем по плоскому затылку бумажной оболочки.

— Тогда сожжём.

С этими словами он чиркнул лучиной. Бордовое пламя принялось жарить бумагу, и та начала нагреваться.

— ... — глухо произнёс Сюэ Сянь. — Ты что, все буддийские заповеди псам скормил?

Услышав это, Сюань Минь на мгновение замер, будто что-то вспомнив. Выражение его лица на миг стало серьёзнее, затем он покачал головой, стряхнул пламя с лучины и, подцепив бумажную фигурку за одну ножку, поднял её. Голос его прозвучал низко и строго:

— Будешь ещё лезть?

Сюэ Сянь, по-видимому, всё ещё переживал унижение, и, будучи поднятым вниз головой, прикрыл мордочку обеими лапками. Но даже в таком положении он не удержался от колкости:

— На твоего прадеда полезу!

Едва эту напасть убрали обратно в сумку, как из внутренних покоев послышались неуклюжие, спотыкающиеся шаги.

Сюэ Сянь отодвинул лапку и увидел дурачка Лю Чуна, который с растерянным видом смотрел в их сторону. Он только что выбрался из ловушки, и с ним, видимо, приключилось что-то неладное: синий халат его был во многих местах порван, и из прорех торчала вата.

Он смотрел на Сюань Миня с покрасневшими от слёз глазами, разинув рот, будто хотел что-то сказать. Но прежде чем он успел вымолвить слово, его взгляд упал на старушку, опирающуюся на жернов, и всё его тело застыло.

— Ба... Бабушка? — неуверенно окликнул он и, словно боясь подойти ближе, невольно съёжился — возможно, в той ловушке призрачная старуха его уже поцарапала.

Старуха подняла на него безжизненные глаза, и по её лицу тут же потекли слёзы. Она тихо вздохнула и поманила Лю Чуна рукой:

— Чун, ах ты... почему одежда-то вся порвана...

Услышав этот голос, Лю Чун в мгновение ока забыл обо всех страданиях, перенесённых в ловушке. С красными от слёз глазами он бросился к ней, упал на колени и попытался схватить руку старухи:

— Бабушка, почему ты стала такой маленькой?.. Я... я не могу тебя схватить!

Старуха, истощённая жерновом, съёжилась до половины обычного роста, выглядела особенно сгорбленной и жалкой.

Однако она ничего не сказала Лю Чуну, лишь беззубо улыбнулась:

— Бабушка старая, старея — усыхаешь. Не можешь схватить — и не хватай...

— Бабушка, почему ты... почему ты никогда не приходила ко мне? Я столько бумажных монет складывал... Говорили же, сложишь, имя напишешь, сожжёшь — и они придут забрать? Я... я каждый день складывал, каждый день сжигал, но никто не приходил. Почему ты... ни разу не пришла? Я хотел, чтобы ты со мной поговорила, я тоже хотел с тобой поговорить... но всегда не видел тебя, я... я даже забыл, что хотел сказать...

Разум Лю Чуна остался детским. Увидев свою любимую бабушку, он, всхлипывая, выпалил всё это и тут же расплакался. Не так, как плачут взрослые мужчины, сдерживаясь, а залился громким, безутешным рёвом. Словно стремился выплакать все слова, что копились и забывались три долгих года.

— Бабушка слышит, Чун. Ничего не говори, бабушка и так всё знает, — старуха утерла слёзы.
— Я... день и ночь за тобой присматривала...

Пока внук с бабушкой плакали, снаружи в комнату ворвался неистовый, обезумевший человек:

— Спасите! Спасите! Не трогайте меня — не подходите!

Волосы его были растрёпаны, одежда изорвана в клочья. Неизвестно, сколько раз он кубарем катился по земле, но с ног до головы он был в пыли и грязи, походя больше на сумасшедшего, чем на человека.

Сюэ Сянь присмотрелся:

— Да это же советник Лю?

Выходит, Лю Чуну ещё повезло. Советника Лю, судя по всему, в той ловушке напугали до полусмерти. Теперь он, невзирая на прежнее нежелание входить в эту комнату, вломился сюда, не разбирая дороги.

Сюань Минь, увидев его перепачканным, нахмурился и отступил в сторону. Советник Лю, не встретив преграды, врезался в Лю Чуна и шлёпнулся на пол.

И вот, сидя на земле, он оказался лицом к лицу со старушкой Лю.

Советника Лю вдруг сковал ужас. Тело его застыло, глаза вытаращились, от страха он даже перестал дышать.

Натворишь много зла — однажды и родная мать покажется страшнее любого призрака. Его жалкий вид резко контрастировал с плачущим рядом Лю Чуном, и в этом была горькая ирония.

Старуха Лю вытерла слёзы, взглянула на советника Лю, и её всхлипывания постепенно утихли. В её глазах по-прежнему стояли две мутные слезинки, но на фоне спокойного лица они придавали взгляду ещё более глубокую и безысходную печаль.

— Чего это ты дрожишь? — спросила она с этой глубокой печалью в голосе. — Неужели боишься, что родная мать явится за твоей душой?

Советник Лю невольно замотал головой. Лицо его побелело, губы задрожали, и он начал заикаться:

— Сын просто... просто...

<http://bllate.org/book/16289/1467839>